

Тоня Шипулина

Тайна ведьмы Урсулы

Тоня Шипулина
Тайна ведьмы Урсулы
Серия «Ведьма Страны
Туманов», книга 2
Серия «Шляпа волшебника»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19259264
Тоня Шипулина. Тайна ведьмы Урсулы: АСТ; Москва; 2016
ISBN 978-5-17-094988-5

Аннотация

Девочка Юсинь начинает видеть страшные сны о призраках. Она пытается их нарисовать – ведьму Урсулу, подземного жителя Межевика, мальчика, похожего на котенка, Чердачника, убивающую взглядом Навью – и вдруг сны оборачиваются явью и затягивают Юсинь в загадочную страну заблудших душ, в Страну Туманов.

Содержание

Вступление	5
Призрак	12
Чёрная кошка	15
Сердце бьётся!	24
Сон	29
Визит Межевика	33
Мика	36
Чердачник жалуется	38
Кто я?	44
В незнакомой части леса...	50
Выбора нет	57
Какая любовь-то?	60
Ведая знаниями...	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Тоня Шипулина

Тайна ведьмы Урсулы

Дизайн обложки *Марины Акининой*

Иллюстрации для обложки *Тони Шипулиной*

Рисунки *Тони Шипулиной*

© Тоня Шипулина, текст, ил., 2016

© Тоня Шипулина, иллюстрации на обложке, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Вступление

Золотые Матохи походили на жуков. У них были тонкие лапы и длинные лохматые усы. И они, конечно, умели летать. Однако на этом сходство заканчивалось. Главное, чему так поразилась Юсинь, – у Маток были по-младенчески любопытные глаза. Прозрачно-голубые, в тёмных ресницах.

Светящимися шариками подлетали Матохи к самому Юсиному носу, другие кружили над головой, отчего волосы наэлектризовывались. А один жук, желая стать особенным, уселся на плечо. Юсинь хотела коснуться его, но лишь её пальцы приблизились к золотым крыльям, как Маток сорвался с места и, словно ненормальный, принялся биться о чашки и чайники, о тарелки и кастрюли. Юсинь ахнула— только сейчас она заметила, что стоит в центре чужой кухни. Вокруг аккуратно подвешенные за хвостики травы и коренья, начищенные сковородки, половники и сахарницы хвастаются своей красотой. «Чья это кухня? Как я сюда попала?»— подумала Юсинь, и вдруг остальные Матохи тоже принялись биться о посуду, при этом лихорадочно чихая на её блестящие поверхности. Самое же удивительное, что чихали жуки настоящей печной сажей. Матохи сталкивались друг с другом, падали и снова взлетали. А когда один из них в очередной раз вычихнул из себя копоть, врезался с громким «Трынц!» в изумительно красивое блюдо— Юсинь просну-

лась.

– Матохи... – задумчиво произнесла она и потянулась за телефоном— часы на нём утверждали, что ночь в самом разгаре.

Юсинь скинула с себя одеяло и подошла к компьютерному

столу, на котором лежали папки с уже изрисованными альбомами и ещё белые, не тронутые красками листы. Теперь ей следовало быстро зарисовать увиденное, пока оно предательски не растворилось в свете утра на пару с обманчиво близкими звёздами.

Юсинь подкатила к себе высокий стул, достала из ящика коробку с масляными мелками.

– Н-ну что ж, – сказала она, усаживаясь поудобнее, – Матохи т-так Матохи... И-интересно п-почему я р-решила, что в-вы зовётесь именно т-так?

Постепенно белый альбомный лист заполнили мордочки забавных существ. Некоторые Матохи высывались из кофейных чашек, другие чихали, третьи находились в полёте.

Пока Юсинь рисовала, её не оставляли мысли о том, почему именно к ней каждую ночь приходят эти странные, до мурашек правдоподобные сны о далёком, пугающе-необычном мире. Из своих предыдущих снов Юсинь знала, что то место, где она всякий раз оказывалась, стоило ей лишь закрыть глаза, называется Страна Туманов. Юсинь знала, что туда отправляются заблудившиеся души людей и могущественные духи, нуждающиеся в покое или помощи. Юсинь также знала и то, что у этой страны есть хозяйка, и что она ведьма, у ведьмы же есть помощники— гигантские серые птицы-крылатки и мальчик с лицом кота. Юсинь, разумеется, знала и то, что в действительности Страны Туманов не существует. Она понимала, что сны— это просто сны. Единственное, что

волновало Юсинь, — почему они к ней приходят?

Ведь, если не считать особенного имени и того, что она слегка заикается, во всем остальном Юсинь— самая обычная девочка пятнадцати лет. У Юсинь есть любящие родители, хоть иногда и ссорящиеся. Есть друг Милька, который готов ждать свою подругу под окном в дождь и холод, столько, сколько потребуется. Есть преданный старенький пёс и своенравная, но ласковая кошка.

А ещё у Юсинь совсем скоро родится братик.

Юсинь закончила рисунок, размяла задеревеневшую кисть и вздохнула.

— Ради разнообразия х-хоть бы одну н-ночь н-ничего не с-снилось.

* * *

За прошлую зиму Межевик отъелся и отрастил себе такое пузо, что ни за весну, ни за лето не смог от него избавиться. Да он особенно и не старался— закопается в землю по самую макушку и спит, изредка продираясь наружу, чтобы сделать глоток воздуха. В Страну Туманов Межевик попал, спасаясь от тоски, которая душила его и, судя по всему, намеревалась прикончить. Тогда-то он и обратился за помощью к Урсуле.

Отправился к ней на просительную полянку, усердно запихивая природную трусость в самый пыльный уголок души. И принял предложение хозяйки Страны Туманов пере-

ждать сложные времена у межи, на границе двух хлебных полей. Урсула позволила ему кормиться во фруктовом саду и попросила кота-помощника раз в неделю оставлять у старой яблони вареные яйца и кувшин молока. Взамен Межевик обещал ничего не воровать (а занятие это ему всегда нравилось), не подшучивать над новоприбывшими (это развлечение тоже было ему по сердцу) и сообщать Урсе обо всех новостях, которые он сумеет услышать, находясь под землей.

* * *

Сегодня Межевик выкопался из норы ещё до того, как последний светляк отсветил свою смену. Больше всего Межевик походил на крота. У него имелась вытянутая носатая морда, мохнатое продолговатое тело, короткие передние лапы с длинными белыми когтями. Только глаза его были большими и разноцветными. Сейчас они слезились, чесались, и Межевик часто моргал, пытаясь «проморгать» залившийся в них туман.

Несмотря на схожесть с кротом, Межевик всё же не умел рыть слишком длинных подземных туннелей, и потому теперь его ждало настоящее испытание: пешая прогулка. Ведь дух готовился снова отправиться к хозяйке Страны Туманов— на этот раз чтобы вернуть долг и рассказать ей о том, что услышал этой ночью. Двигаться быстро Межевику мешало пузо— он ковылял к дому Урсулы медленнее трёхно-

гой черепахи. Дух ругался на свою медлительность, время от времени озадаченно хлопал по упругому брюху лапой и подгонял самого себя неразборчивыми выкриками. Межевик торопился как мог. Торопился, потому что «услышанное» оказалось настолько тревожно, что ему тут же притруsilось, будто его спокойным дням в Стране Туманов вот-вот настанет конец.

Призрак

Зима отвоевала у осени сначала секунды, затем минуты, потом часы— ночной мрак больше не желал рассеиваться поутру.

Юсинь зевнула, потянулась на высоком стуле, выключила настольную лампу— пора собираться в школу. Она ещё не завтракала, но уже закончила рисовать новую картинку. С шершавого листа альбома строго глядела на Юсинь величественная старушка в белом платье и цветочном ободке. На плече у старушки устроилась огромная серая птица с чёрным клювом, из-за спины выглядывал маленький мальчик с лицом кота.

Этой ночью к Юсинь снова пришёл сон о неведомой стране, в которой живёт густой, как манная каша, туман. В нём прячутся странные и пугающие существа: заблудившиеся души людей, могущественные духи...

– Я завтрак тебе сделала, – в комнату заглянула мама. Заметив, что дочь в задумчивости склонилась над усеянным мелками и карандашами компьютерным столом, покачала головой и улыбнулась – Лучше бы поспала подольше, чем рисовать.

– Сон уж о-очень яркий б-был, – ответила Юсинь, чуть запинаясь. – Если с-разу не зарисую, п-потом забудется.

– Художница моя! Там на кухне пирог— не забудь взять,

угости одноклассников. Я его порезала и в два слоя бумаги завернула, чтобы не остыл.

— Мам, ты разбаловала всех с-своими пирогами, — Юсинь тоже улыбнулась. — Не з-забуду, не в-волнуйся.

Юсинь сложила мелки с карандашами в коробку, обернулась и проводила маму взглядом. Как хорошо, что она теперь в порядке. Несколько лет подряд маму мучила тяжелая таинственная болезнь. Она много спала, а когда пробуждалась— кричала от боли так, что Юсинь хотелось бежать из дома без оглядки. Недуг исчез так же внезапно, как и появился.

* * *

Юсинь сняла со стула школьную форму. Как хочется отдохнуть от неё, нацепить немыслимую цветастую кофту, какие-нибудь цыганистые браслеты и висячие серьги-перья.

Юся со вздохом застегнула на тёмно-синей классической юбке молнию, перекинула ремешок сумки через плечо, сунула альбом под мышку. Любимый Милька уже должен ждать её у дома. По дороге она похвастается перед ним свежим рисунком— он обожает разглядывать жителей выдуманной туманной страны. Прежде Юсинь уже знакомила его с Мато-хами— золотыми жуками с детскими личиками, равнодушной русалкой, духом северного ветра. На этот раз Юся продемонстрирует Мильке самую хозяйку страны— Урсулу.

Юсинь уже хотела выйти из комнаты, как вдруг об окон-

ное стекло что-то легонько стукнулось. Наверное, Милька, как обычно, торопит её, бросая мелкие камушки.

Шторы были глухо задёрнуты, и Юсинь радостно подбежала к окну, чтобы отдёрнуть их. Но, отодвинув ткань в сторону, Юся шарахнулась от окна так, как если бы увидела в нём чудовище. Прислонившись к стеклу, на неё глядел с улицы растерянный незнакомец.

Он таращился на Юсинь пустыми глазницами, молча распахивал и закрывал совершенно беззубый рот — то ли пытаюсь закричать, то ли демонстрируя, что, кажется, разучился дышать. Осенний ветер трепал его седые редкие волосы, а сквозь бледный силуэт полосками проступали лучи от ещё не погасших фонарей.

Это был не человек. Это был призрак, привидение, фантом— потустороннее ужасающее ОНО! Юсинь закусила губу— так сильно было желание закричать. Незнакомец тем временем по-прежнему не сводил с Юсинь пугающего взгляда и продолжал делать странные вдохи и выдохи— при этом не оставляя на стекле запотевшего пятнышка от живого дыхания. Юся зажмурилась и трясущимися руками задёрнула шторы.

Чёрная кошка

По дороге в школу Юсинь не проронила ни слова. Она не стала показывать Мильке свой новый рисунок и не ответила на его расспросы о самочувствии. И хотя Юся понимала, что ведёт себя неправильно— ведь Милька ни в чём не виноват, — она всё же не могла заставить себя разговаривать, будто ничего не произошло.

Юсинь рассталась с Милькой у класса, он сконфуженно махнул ей рукой и убежал по коридору к лестнице, ведущей в школьную библиотеку.

В классе Юся сообщила одноклассникам, что снова принесла от мамы гостинец, выложила на первую парту пакет с нарезанным пирогом и уселась в самом конце второго ряда, у шкафа с книгами. Ей необходимо привести мысли в порядок до начала первого урока, до того, как её начнут спрашивать, чем она расстроена и что с ней случилось. Не расскажет же она им про то, что повстречала за окном своей спальни бестелесное существо, отдалённо напоминающее мужчину? Юсинь хотелось побыть в тишине, сосредоточиться, прокрутить в памяти увиденное утром, но ей никак не давали это сделать.

«Юся, у твоей мамы замечательные пироги, передавай ей спасибо! Юся, какая вкуснотища, запиши мне, пожалуйста, рецепт! Юся, здесь изюм с курагой, а что ещё, — грецкие оре-

хи?»— со всех сторон на Юсинь обрушивались благодарности от одноклассников. Юся вяло улыбалась, обещала передать маме похвалу и выводила в тетрадке ручкой нервные кривые узоры. До звонка оставалась минута, и шум вокруг постепенно стал редеть. Юсинь облегченно выдохнула, но тут в дверях показалась Олеся.

Она не появлялась на занятиях с прошлой пятницы. Её старенькая бабушка, к которой девочка была очень привязана, уснула, чтобы больше не проснуться. Олеся всё ещё была печальна, длинная чёлка не могла скрыть синеву под глазами. Девочка опустила голову и прошла в класс— Юсинь вскрикнула.

За спиной у Олеси парила старушка— сквозь неё, как через тонкую марлевую ткань, просвечивали Юсины одноклассники. Олеся остановилась рядом, Юсинь увидела в старушке шкаф с книгами и маленький фикус в огромном горшке. Бабушка Олеси опустила эфирно-прозрачную руку на плечо Юсиной одноклассницы. Рука в плече утонула...

— Что с тобой? — спросила Олеся и обернулась. — Куда ты смотришь?

— Я... я... мне просто при-привиделось, — Юсинь выскочила из класса. В коридоре она расплакалась. Что с ней происходит? Неужели она видит призраков? Откуда они взялись, зачем пришли?

Юсинь натянула шарф на нос и, глядя себе под ноги, зашагала по узкой и кривой улице— той, которая, долго плутая между неприглядными четырёхэтажками, упиралась в дырявый забор. За этим забором начинался лес— местами он был стеснителен, словно неуверенный в себе подросток, местами непредсказуем и обидчив, словно капризная девушка. Но чаще всего Юся находила лес меланхолично-задумчивым— он походил на одинокого, но всё еще ждущего любви старика. Юсинь нравилось гулять по лесу, когда он просыпался, нравилось наблюдать за тем, как он доверительно впускает в себя солнечный свет.

Юсинь всё шла, не оборачиваясь и не поднимая головы на редких прохожих. Она шла и думала о том, что ей сейчас же надо попасть в тот заброшенный домик в центре дубовой рощи, в котором она будет чувствовать себя в безопасности. Там она вздохнёт свободно и сможет поразмышлять обо всём, что с ней произошло.

Юсинь шла и в подробностях вспоминала, как в её жизни впервые возникло тайное убежище. Около года назад, когда маму терзала загадочная болезнь, папа Юсинь, уставший от бессилия, стал слишком строг с дочерью и превратил её в свою узницу. Он не разрешал ей видеться с подругами (не говоря уже о парнях), не разрешал задерживаться после школы, не разрешал долго разговаривать по телефону. Целыми днями Юсинь должна была сидеть возле маминой кровати или в своей комнате.

Юся пнула носком ботинка мелкий камушек и улыбнулась, потому что вспомнила, как однажды в её окно залетел почти такой же. И она, представив себя принцессой, запертой в башне, стараясь не шуметь, спустилась к своему принцу. Это именно Милька нашёл заброшенный лесной домик и придумал убегать туда от родителей. Именно Милька нашёл для него такое подходящее название — «изба-читальня».

Там, в их тайном убежище, Юсинь могла болтать о чём вздумается, читать книги и старые журналы. Там оставались и хранились под невидимыми замками все секреты и пере-

живания.

Юсинь давно не бывала в домике. Ведь, как только мама поправилась, папа почти сразу забыл об установленных им самим правилах. И они с Милькой снова смогли подолгу за-сиживаться после уроков в пустом классе, ходить друг к другу в гости.

Необходимость держать свои встречи в тайне отпала.

Размышляя о том, почему в жизни часто всё меняется в одно мгновение, Юсинь споткнулась о какой-то здоровенный камень, скрывавшийся под грязью размытой ночным дождём дороги. Споткнулась и выпустила из рук свою большую сумку. Та плюхнулась в неглубокую лужу и, будто от обиды на неловкую хозяйку, развалилась в ней так, словно она не сумка, а настоящий бегемот.

Юся вздохнула. Мама всегда говорила, что дочке не следует всюду таскать с собой такую «сумищу». Но Юсинь была непреклонна— кроме учебников и тетрадей у неё под рукой всегда должны быть три блокнота, одна коробка масляных мелков и две с цветными ручками и карандашами.

Всё ещё пребывая в задумчивости, Юсинь наклонилась, собираясь спасти свои вещи от окончательного намокания, и вдруг увидела перед собой кошку. Она сидела на середине дороги и не моргала.

Кошка была темна, как чернильная клякса, и лишь глаза блестели сочным жёлтым цветом.

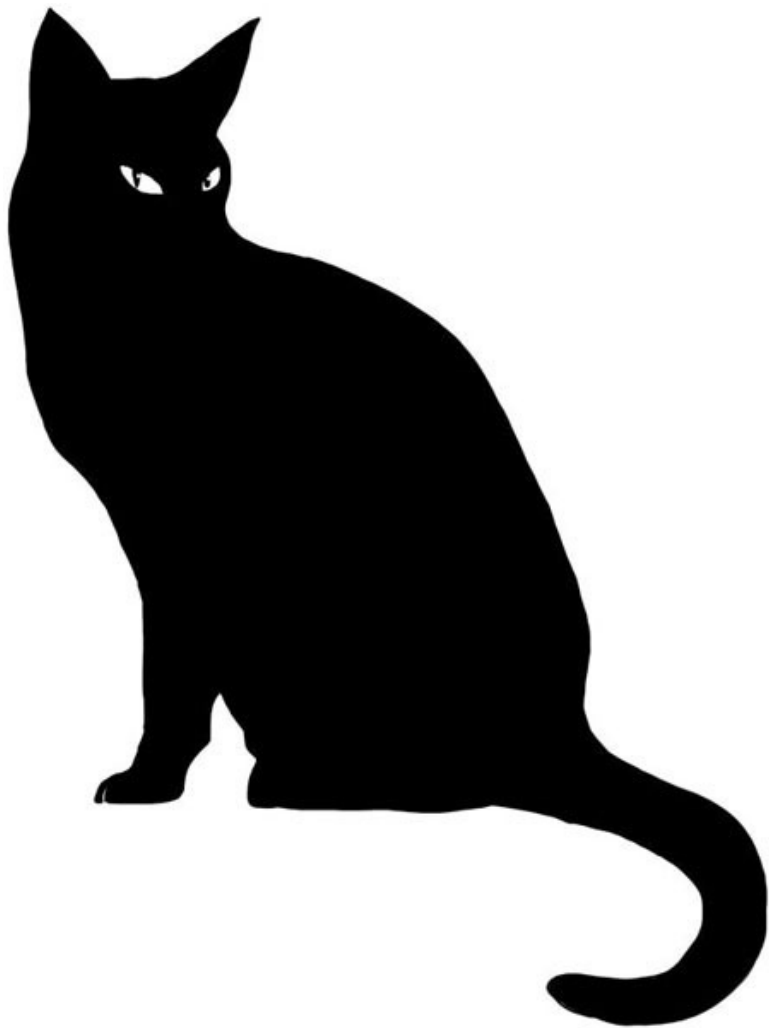
– Ну чего смо-смотришь? – спросила Юсинь и ухмыльну-

лась. – Хочешь п-помочь?

Кошка отвернулась, но с места не сдвинулась.

– Тогда иди куда ш-шла, – Юся, подняла сумку и попыталась очистить её от грязи одной из своих вязаных перчаток.

Недолго понаблюдав за девочкой, кошка раздражённо махнула хвостом и скрылась за кустом, ещё не успевшим до конца растерять свою листву.

– Тьфу ты! – нахмурилась Юсинь. – Она же м-мне дорогу п-перешла.

Впрочем, Юсинь не очень-то верила в приметы, и поэтому ей тут же стало неловко от того, что она рассердилась. А если животное было голодно и нуждалось в помощи?

Борясь с неожиданно острым желанием всё-таки поплевать через левое плечо, взявшись при этом за пуговицу пальто, Юся сделала несколько шагов вперёд. У неё в сумке вроде бы оставался последний кусочек пирога— может, попробовать дать его кошке?

– Эй, – позвала Юсинь. – Т-ты где? Кис-кис!

Кошка мгновенно выскочила из-за куста и уставилась на Юсинь.

– У меня т-тут г-где-то пирог есть, б-будешь? – спросила Юсинь и принялась копать в сумке.

Кошка в ответ мяукнула и вдруг отчетливо произнесла:

– Помоги мне, Юсинь! Я умираю! Только ты можешь мне помочь!

Сердце бьётся!

Мальчик-кот прыгнул с подоконника, усыпанного стручками жгучего красного перца. Он не умел определять гостей еще до его появления, как это делала хозяйка Урсула. Поэтому хотел удостовериться, что звон бело-золотого колокольчика, оповещавший о прибытии нового посетителя, не вводит в заблуждение относительно его безобидности. И колокольчик, как всегда, не подвел – мальчик-кот разглядел в окошке Жыжа, доброго Урсулиного помощника.

– Ну, Рыська, ей лучше? – Жыж плевком затушил огонь в курительной трубке и ещё дымящуюся сунул в карман яркой рубахи. Коренастый и рыжебородый, он переступил порог ведьмино дома, приветственно помахал непривычно молчаливым крылаткам крупной ладонью, снял тяжеловесные, облепленные грязью и осенними листьями сапоги и уселся в большое кресло.

Мальчик-кот печально мяукнул и отрицательно помотал головой.

– Ничего не помогает. Всё уж испробовал. Как дальше быть, а вдруг кто плонюхает?

– Не пронюхает, – Жыж погладил мальчика-кота по мягкой шерсти и почесал за правым ухом, от чего Рыська, не удержавшись, заурчал. – Я уверен, она даже такая... полуживая за порядком наблюдает, я...

Дед вдруг замолчал и, затаив дыхание подошёл к занавешенной нарядно-кружевным балдахином кровати. Он отвел легкую ткань в сторону и шумно вздохнул.

– Показалось будто шевельнулась, – сказал Жыж.

На кровати в платье угольного цвета, ещё более подчёркивающим мертвенно-серый оттенок кожи, лежала хозяйка Страны Туманов— властная ведьма. Урсула не дышала или притворялась, что не дышит.

– Улса, тебя Жыж пловедать плишел. Скажи, что нам для тебя сделать, как помочь?

Мальчик-кот впрыгнул к своей хозяйке под правую руку и замурлыкал. Урсула не двинулась. Ни один седой волос, ни одна её ресница не дрогнули.

– Да ты не горюй, Рысь, – Жыж снова полез за курительной трубкой. – Может, она устала очень. Может, ей сил нужно набраться? Пускай не дышит— сердце-то ведь всё равно бьётся!

– Бьётся! – подтвердил мальчик-кот. – Только ланьше такого никогда не было. А вдруг это ей кто-то зла пожелал? А вдруг кто-то заговор специальный придумал.

– Заговор? – Рыжий Жыж расхохотался. – Ну ты насмешил, ну насмешил! Кто ж сильнее Урсулы? Нет такого в Стране Туманов!

* * *

Милька думал о Юсинь не переставая. Его дни состояли из цифр, которые он складывал и отнимал, с тем чтобы точнее определить время новой встречи. Тридцать четыре минуты до окончания урока плюс пять минут по коридору до её класса... Десять минут ходьбы до её дома плюс невыносимых тринадцать с половиной часов до того, как они снова увидятся утром.

И хотя Милька ни разу не признался Юсе (и даже самому себе) в том, что он влюблен, это было очевидно всякому, кто видел друзей вместе.

В прошлом году Юсинь первая рассказала Мильке о своих чувствах. Она сказала ему, что влюблена, и он будто прозрел после добровольной незрячести. Ему стало понятно, почему в его присутствии она заикалась сильнее, ему стало очевидно, почему она краснела, как только он оказывался слишком близко. Но Милька не испугался и не смутился. Он взглянул

на Юсинь по-новому — она открылась ему, как открывается книга, которую ты прочел давно и не слишком внимательно.

По привычке Милька считал гудки в телефоне. От каждого унылого гудка сердце его вздрагивало. Оно было похоже на пустой стеклянный сосуд, в который бросают звонкие монеты, — ударяясь о тонкие стенки, они причиняли боль.

Сегодня Юсинь попросила Мильку не провожать её. Она была еще задумчива и печальна. Милька страдал от того, что не знал причины её волнений, а потому не мог помочь.

Он хотел убедиться, что Юсинь уже дома, пьёт чай, играет со стариком Микой или делает зарисовки в одном из трёх своих блокнотов. Но телефон молчал.

Милька обтёр ставшие влажными ладони о джинсы — если он не дозвонится, то сейчас же отправится к ней домой.

Гудок, ещё гудок...

— Да, говорите! — Голос незнакомца заставил Мильку подскочить с места.

— Где Юсинь? Кто вы?

— Я просто шёл мимо и увидел девочку. Она лежит здесь, на дороге. Кажется, упала в обморок. Телефон все звонил и звонил, я решил взять. Вы её друг?

— Где это место? — крикнул Милька и, едва дослушав ответ, выбежал из комнаты.

Сон

Сворачиваясь в клубки, сцепляясь хвостами, скрещиваясь шипящими языками, по шее Урсулы ползали чёрные гадюки. Они то и дело хищно замирали у самого ведьмино-го лица, готовясь к смертельному укусу, но, так и не сделав его, снова принимались извиваться в своём хитроумном танце. Юсинь смотрела на них заворожённо, не в силах пошевелиться, отвести взгляд, и, только когда одна из змей, соскользнув с Урсулы, шлёпнулась на пол и направилась к Юсе, девочка опомнилась. Она попыталась сообразить, как следует вести себя при встрече с гадюкой, но, не сумев с ходу разобраться в своих скудных знаниях на эту тему, решила бежать. Ей показалось, что лучше всего стремительно броситься к изголовью Урсулиной кровати и попытаться разом сбросить змей длинной палкой, которая отчего-то уже находилась у неё в руках. Но лишь только Юсинь собралась бежать, Урсула открыла глаза. Ведьма повернулась к Юсе и глухо произнесла: «Помоги мне. Спаси меня». В эту же секунду гадюки с остервенением вцепились в шею Урсулы, ведьма скорчилась от боли, а Юсинь проснулась...

Её знобило, как в разгаре болезни, – раньше сны о Стране Туманов не внушали Юсе такого ужаса.

Из окна, занавешенного полупрозрачным тюлем, просачивалась вечерняя мгла. Послушные фонари всё еще дожи-

дались команды неведомого командира начинать свою борьбу с темнотой. Темнота теперь пугала Юсинь. Она казалась ей обманчиво мягким бархатным мешком, в котором прячется обжигающе острая жуть.

– Проснулась? – спросила мама, заглядывая в комнату сквозь приоткрытую дверь. Заметив, что Юся села в кровати и утвердительно кивнула головой, мама тут же распахнула дверь настежь и подлетела к дочке. – Девочка моя! Хорошая моя! Мы так испугались за тебя! Завтра же поедem в город, сдадим все анализы— вдруг с тобой что-то серьёзное! – И, хотя маме мешал большой живот, она прижала к себе Юсинь с такой силой, что между лопатками у неё что-то хрустнуло.

– Ты ме-меня задушишь, мама! – Юсинь улыбнулась. – Ка-какие анализы, какой город— со мной все хо-хорошо. Просто устала немного, го-голова закружилась, я споткну-лась и упа-упала.

– Но ведь раньше с тобой такого не случалось, – мама покачала головой. – Меньше чем через месяц я должна буду лечь в больницу— давай всё же сходим к врачу. Ты же понимаешь, что я не смогу спокойно спать, пока не узнаю всё ли с тобой в порядке.

– Тебе н-необходимо спать с-спокойно, – Юсинь положила руку ей на живот. – Как там наш ма-мальчишка?

– Как все мальчишки, – мама пожала плечами, – буянит! Ой, – спохватилась она, – кстати, о мальчишках! Там на кухне тебя Милька ждёт!

– Милька? – переспросила Юсинь и покраснела. – Ка-как он здесь очутился?

– А он тебя на руках принёс! – воскликнула мама, и в ее глазах блеснули слезы. – Ты представляешь? На руках.

Визит Межевика

Колокольчик над дверью задрожал, и Рыська снова бросился посмотреть в овальное окошко, кого там принесло. Межевик не решался войти. Он мямлил что-то маловразумительное, переступал с ноги на ногу, с опаской поглядывая на клювы спящих крылаток.

Впрочем, мальчик-кот тоже не горел желанием впускать в дом духа. Ему было важно сохранить тайну хозяйки Страны Туманов. О том, что Урсула больна, не должно было узнать даже самое безвредное здешнее существо.

– Здравствуй! С добром ли ты к нам пожаловал? – Рыська расплылся в улыбке, стараясь, чтобы она выглядела как можно естественнее.

– Мне с Урсой поболтать о том о сём, о пятом о десятом, – Межевик почесал когтем брюхо.

Рыська почти неслышно вздохнул, распахнул дверь шире и жестом предложил духу войти.

– Улса сейчас в самой дальней части стланы, улаживает кое-какие дела... Но ты можешь поговорить о пятом о десятом со мной. В отсутствие хозяйки— главный я!

– Без Урсулы? – Межевик снова кинул испуганный взгляд на крылаток. – Я хотел о том о сём, понимаешь? А больше ни о чём.

– Значит, ничего важного? – Рыська вдруг почувствовал,

как шерсть на его затылке приподнимается. Он не любил долго стоять на пороге.

– Не знаю, – протянул Межевик и уставился на Рыську разноцветными глазами. – Не знаю, важно ли то, что я услышал этой ночью, или не важно... Не знаю, могу ли я говорить об этом с тобой. Урсула наказала только ей, понимаешь?

– Если не можешь лешить важное ли твое сообщение, лас- скажи его сначала мне, – Рыська громко фыркнул. – А то ведь, если побеспокоишь Улсу зля, она за ушком за это не почешет!

Межевик от досады скорчился, потом скрючился, словно стараясь уменьшиться в размерах, и, наконец, прошёл в дом.

– Я это, – сказал он, оглядываясь по сторонам, – я когда спал там у себя в норе, слышал как шептал кто-то. Шептал, что духи и души дороги сюда найти не могут, что Урсула слабой стала, и пришла пора с неё плату взять.

Рыська вздрогнул.

– За что?

– Ну там неразборчиво дальше. – Межевик потупился, – за пятое, за десятое.

– За чтооо? – крикнул Рыська, и вострепёнувшиеся разом крылатки зашипели, свесившись с потолка.

– Не знаю я, за что, – Межевик обхватил носатую морду лапами. – Я подумал сначала, что это снится мне, а когда сообразил, уже не шептал больше никто.

Рыська молчал. Ему сделалось невыносимо страшно. Это новое «страшно» было страшнее, чем когда Урсула, однажды вернувшись с просительной полянки, прилегла отдохнуть и с тех пор больше не просыпалась. Страшнее, чем когда его с разодранным собаками боком выкинули умирать, и он думал, что так тому и быть. Страшнее, потому что Рыська знал, что если кто и мог шептать там, под землей, то только тот, кому Урсула была многим обязана. Только тот, кто может лишить её своего дара. Только тот, чьё слово такое же сильное, как Урсулино. И если этот «кто-то» решил взять с хозяйки Страны Туманов плату, то она не может быть мала...

Мика

В щёлку двери Юсинь тайком разглядывала Мильку, от-
решенно уставившегося на сиротскую кружку с остывшим
чаем, и слышала, как её сердце просит передышки, то и дело
останавливается, не справляясь с нахлынувшими эмоциями.
«Милька принёс меня на руках, – повторяла Юсинь про се-
бя, – на руках...»

Дверь предательски скрипнула, и Милька обернулся.

– Ты как? – спросил он, стараясь не выдать голосом того
страха, который испытал, увидев Юсинь лежащей на земле
без сознания.

– Хо-хорошо. Уже всё в по-порядке...

– Все испугались за тебя. Я испугался. – Милька встал из-
за стола и подошел к Юсе. – Я бы не пережил, если бы с тобой
что-то случилось.

– Случайно не на-надорвался, пока н-нес меня? – Юсинь
улыбнулась.

– Да ты вовсе не тяжелая, – Милька смутился.

Щёки Юсинь обожгло румянцем. Ей захотелось сейчас же
обнять Мильку так крепко, насколько у неё хватило бы сил.
Но вместо этого Юся опустила на корточки и заревела.

– Со м-мной что-то п-происходит, Милька, со мной ч-что-
то не так... Я не м-могу рассказать тебе в-всего, ты б-будешь
с-считать меня сумасшедшей. А я н-не хочу, чтобы ты д-ду-

мал, что я сумасшедшая. Если я р-расскажу тебе, что в-вижу...

Но, когда Юсинь была в слове от признания, в её коленку уткнулся мокрый нос.

Чёрно-белая собака обнюхала Юсины волосы, лизнула в ухо и подбородок, а затем, довольная, улеглась на полу рядом.

– Ми-и-ика... Ты, наверное, то-тоже испугался за с-свою хозяйку, да? – протянула, всхлипывая Юся и взлохматила шерсть на загривке пса. – Не бойся, у меня есть д-друг, который н-не даст в обиду.

– С кем ты разговариваешь? – удивился Милька.

Юсинь собралась переспросить— она, должно быть, не поняла вопроса, но на кухню вошла мама.

– Девочка моя. – сказала она совсем тихо. – Только что папа нашёл Мику— он весь день где-то пропадал и не откликался. Оказалось, он спрятался за коробку с ёлочными игрушками под твоей кроватью. Должно быть, искал какое-то место, чтобы. Чтобы. – Мама вздохнула. – Девочка моя, он — умер.

Юсинь медленно повернулась к тому месту, на котором только что лежала чёрно-белая дворняжка. Больше там никого не было.

Чердачник жалуется

Разноцветные бутылки с хранившейся внутри живой водой потускнели. Рыська давно использовал самые яркие из них для единственного заклинания, которое, как он считал, могло бы поднять Урсулу на ноги. Каждый новый день начинался для Рыски с одного и того же ритуала. Вскарабкиваясь под самый потолок, к присмирившим и сонным крылаткам, он высыпал на Урсулу настоявшуюся смесь из семи трав, добрых слов и просьб о прощении. К вечеру Рыська сдувал с хозяйки остатки хитрого ведовства, а утром повторял всё вновь.

Сегодня же, когда одна из крылаток неожиданно свалилась со своего места, а стукнувшись об пол, превратилась в нож для разделки мяса, которым она была когда-то, мальчик-кот окончательно отчаялся. Урсула умирала. Была ли тому виной чья-то злая воля или хозяйка Страны Туманов заболела без всякой на то причины, словно была самым обычным человеком, — Рыська не знал. И похоже, теперь никогда не узнает.

Дверной колокольчик затрясся. За последнюю неделю его лихорадило по несколько раз в день. Городские духи навевались к Урсуле беспрестанно. Они требовали, жаловались и грозились. Они были возмущены тем, что привычный уклад их жизни нарушен, они были недовольны вторжением потерявшихся душ, которые слоняясь среди живых, напрасно волновали и тревожили их сердца.

— Послушай, — простонал Чердачник, нерешительно усаживаясь в кресло, предложенное Рыской, — старик без конца стучится в дверь, надеясь, что его пригласят в дом. Но, как они пригласят, если не видят его? Этот стук нервирует

моего хозяина, он думает, что сходит с ума, забывает приласкать кошку, а та начинает гадить в мои башмаки.

Рыське немедленно захотелось растерзать какую-нибудь птичку, расцарапать чьи-нибудь руки, но он лишь мурлыкнул и мило улыбнулся.

– Не знаю, чем тебе помочь, Челдачник. Улсула в самой дальней части Стланы по неотложным делам. Когда она велнётся, я ласскажу ей о твоей плоблеме. Увелен, она что-нибудь плидумает...

– Знаешь, я разговаривал с другими духами— у них припасены для Урсулы похожие истории, – Чердачник вытер рукавом рубахи сопливый нос и шмыгнул. – Я, конечно, дух маленький, никчёмный, но, сдается мне, что что-то здесь нечисто.

– Здесь только один ты нечист, – Рыська зло фыркнул. – Или ты хочешь сказать, что Улса не сплавляется с лолью хозяйки, может, готов пледложить свою кандидатулу?

– Что ты, – человек поморщился и проворно сполз с кресла. – Я совсем не это имел в виду...

– Всем нам будет лучше, если ты станешь говолить именно то, что имеешь в виду, а неплохо, если и вовсе научишься помалкивать, – мальчик-кот в одно мгновение очутился у двери, распахнул её и указал гостю на выход когтем указательного пальца. – Всего доблого, Челдачник. Увелен, хозяйка сколо всё лешит...

Когда за человечком закрылась дверь, Рыська бросился к занавешенной тюлем кровати.

– Хозяйка, беда вот-вот случится... или уже случилась... Хозяйка!

Урсула спала. Или умирала. А может, притворялась, что умирает. Лишь одно можно было сказать точно— сердце её пока ещё билось.

Кто я?

Случаются в жизни каждого человека такие дни, когда всё идет наперекосяк. Например, каша с утра выходит слишком жидкой и недосоленной или пуговица на пальто отрывается в самый неподходящий момент, скажем на улице рядом с глубокой лужей...

Юсинь лежала на полу, укрытая с головой тяжёлым душевым одеялом, и размышляла о том, что она бы с удовольствием обменяла один сегодняшний день на сто тысяч дней «наперекосяк». Она бы съела сто тысяч жидких, недосоленных каш, оторвала бы и потеряла все пуговицы со своей одежды, лишь бы не случилось это дня, в котором она хоронила в саду за домом любимого пса.

Что ей теория о том, что душа бессмертна, если она больше не может вздохнуть шерсть на загривке старого Мики?

Под одеялом стало совсем невозможно дышать, а слёзы вытянули из Юсинь последний воздух. Юся раскрылась. В комнате было темно и тихо. Только на потолке волновались запутавшиеся в слабом лунном свете тени от веток сирени под окном.

– Я п-правда видела д-душу Мики? Как т-такое в-возможно? – сказала Юсинь в никуда и снова заплакала. – Н-навверное, Мика приходил по-попрощаться...

Юсе вспомнилась чёрная кошка, которая встретилась ей

на дороге и просила о помощи человеческим голосом, и как Юся ни с того ни с сего упала в обморок посреди дороги – что это, почему, зачем? Юсинь запустила пальцы в распущенные рыжие волосы. Ей вдруг захотелось сдёрнуть их, избавиться, состричь. Зелёные глаза, рыжие волосы... означает ли, что она видит призраков, потому что в ней есть какие-то ведьминские способности?

На потолке появился новый изгиб тени, Юсинь повернулась к окну. На ветку сирени уселась средних размеров ворона. Птица озиралась по сторонам и выглядела довольно групо.

И Юсинь подумалось— а что, если Страна Туманов существует? Что, если существуют крылатки, Рыська и Урсула, суматошные Матохи? Как ей выяснить это, и вообще возможно ли это выяснить? Как понять где воображение рождает невероятный сон, и где сон превращается в реальность? У Юсинь от волнения задрожали губы— а что, если она просто... сумасшедшая?

Юся поднялась с пола и подошла к зеркалу в раскрытой дверце шкафа. Оттуда на неё устало косилась худая бледная девочка. Тыквенного цвета волосы, зелёные, слегка навывкате глаза, курносый нос.

– Кто я на с-самом деле? – спросила Юся и со злостью захлопнула дверцу.

В этот момент на полке робко дзинькнул сотовый телефон. Словно извиняясь за вторжение, он возвестил о том,

что принял важное сообщение.

Юсинь взяла его в руки. На экране телефона горели слова: «Ты можешь рассказать мне абсолютно всё! Ты не сумасшедшая!»

* * *

Утром Юсинь проснулась, отрезала кухонными ножницами волосы (теперь они едва касались мочек оттопыренных ушей), завернула отрезанное в тряпку и сунула в портфель, чтобы мама не обнаружила их в мусорном ведре и не испугалась. Сегодня в портфеле не было учебников и тетрадей. Только несколько колбасных бутербродов, бутылка с газированной водой, два шоколадных батончика, блокнот и самая маленькая коробка с мелками.

Когда Юсинь выходила из дома, она встретила ждавшего её Мильку. Он кинулся к ней навстречу, но Юся остановила его резким движением руки.

— Я з-знаю, что ты ко м-мне ч-чувствуешь, но я б-больше не ч-чувствую к тебе т-того же... П-прости м-меня.

Юсинь накинула на голову капюшон и, отвернувшись от остолбеневшего Мильки, решительно направилась в сторону улочки, которая, долго плутая между неприглядными четырёхэтажками, упиралась в дырявый забор. За этим забором начинался лес...

Юсинь бежала не разбирая дороги (глаза застилали слезы), бежала и перетасовывала в памяти самые страшные моменты своей жизни. Юсе вспомнилось, как её заикание передразнивала Танька из четвертого «В» класса, вспомнилась выматывающая странная болезнь матери, вспомнились ссоры со строгим отцом. И всё же она была уверена, что отныне в её голове не отыщется более страшного воспоминания, чем то, как она обидела Мильку. Но сейчас у неё нет выбора — пусть лучше он обижается на неё, чем узнает, что Юся сошла с ума...

— С тобой всё в порядке? — Женщина, проходившая мимо, заметив слёзы на лице незнакомой девочки, остановилась. — Может, я могу чем-нибудь помочь?

— С-спасибо, — Юся замотала головой и натянуто улыбнулась, — в-всё хорошо... Э-это я от с-счастья...

— Я рада, — женщина улыбнулась тоже.

Юсинь проводила её взглядом, достала из кармана узких джинсов блестящий телефон, и, набрав плохо слушающимися пальцами короткий текст, нажала «отправить».

На юге Страны Туманов выпал первый снег. Рассыпчатый, как стиральный порошок, — не скрипит под ногами, не блестит на солнце, — словно бутафорский.

Накрыло снежной манкой нагие деревья, кусты и те листья на земле, что не успели сгнить. Все существа— живые и мертвые— попрятались кто куда, забились в щели и дупла, потому что непривычные. В этой части леса второй раз снег выпадает. Первый случился полвека назад, когда лес горел. Если бы не власть рыжебородого Жыжа над огнем, неизвестно чем бы тогда все кончилось.

Ворочается Межевик в своей подземной норе, жуёт жвачку из еловой смолы и пчелиного воска— не спится ему. И не от того, что голодно или холодно. Страшно— за шкуру свою, за спокойствие.

А если Урсула недовольна будет, что Межевик коту-прислужнику об услышанном рассказал? Или, наоборот, рассердится, что обманул Рыську— не обо всём поведал?

Вздыхает Межевик, не знает, как поступить. Хоть и не дурак вроде, а совета спросить хочется. Только у кого тут спросишь, чтобы и «советчик» не проболтался?

Переворачивается с одного бока на другой Межевик, чешет голову когтями.

Что это за «Юсинь» такой, о котором под землёй шепот

шёл, почему и отчего «Юсинь» должен Страну спасти? Правда ли, что за то, что «слово не сдержала», Урсула жизнью поплатиться должна?

Межевик вытащил изо рта тёплый, размякший кусочек смолы, проковырял когтем в твёрдой земле дырочку, затолкал в неё жвачку.

— Надо! Надо все-таки уснуть, — дух лёг на спину и зажмурился. — Вот проснусь и снова к Урсуле наведаюсь... — Межевик зевнул. — Поговорим о том о сём— может, еще похвалит, что хозяйку дождался.

В незнакомой части леса...

Заброшенный домик, который Милька и Юсинь нарекли когда-то своей «избой-читальней», выглядел почти таким же, как Юся сохранила в своей памяти.

Крыша покосившейся бревенчатой постройки была припорошена снегом, словно натёртым на тёрке белком яйца. Снег лежал равномерным, но тонким слоем и почему-то не блестел на солнце, хотя оно любезно усевшись между голыми ветвями деревьев, делилось светом с каждым нуждающимся.

Юся хотела узнать о себе правду. Если она ведьма лишь потому, чего унаследовала от неизвестной родственницы рыжие волосы, и отныне её приговор— видеть то, чего не видят другие, — что ж, она найдет способ отказаться от этого «дара». Если же Юсинь— сумасшедшая, — она будет бороться и с этим «врагом».

Юся решительно стянула с головы капюшон, сняла с плеча сумку и поставила её на землю. Да, ей хотелось узнать о себе правду. Любую. Именно за тем она и пришла сюда. Юсинь уверена, что в тишине своего надёжного убежища она увидит, наконец, сон, который всё объяснит ей. Или не всё, но многое...

Случайный ветер поднял с земли несколько осенних листьев, протащил их до крыльца, толкнул приоткрытую дверь дома, и она скрипнула. За домом вдруг что-то промелькнуло.

– Ау... – позвала Юся негромко. – Ау-у!

Юсинь не ответили, и она пошла вперёд. Тут из-за дома на неё выскочила кошка. От неожиданности Юсинь всплеснула руками и, сделав несколько шагов назад, чуть не упала.

Чёрное, будто чернильная клякса, животное уселось неподвижной и грациозной статуэткой, пляясь на девочку жёлтыми глазами.

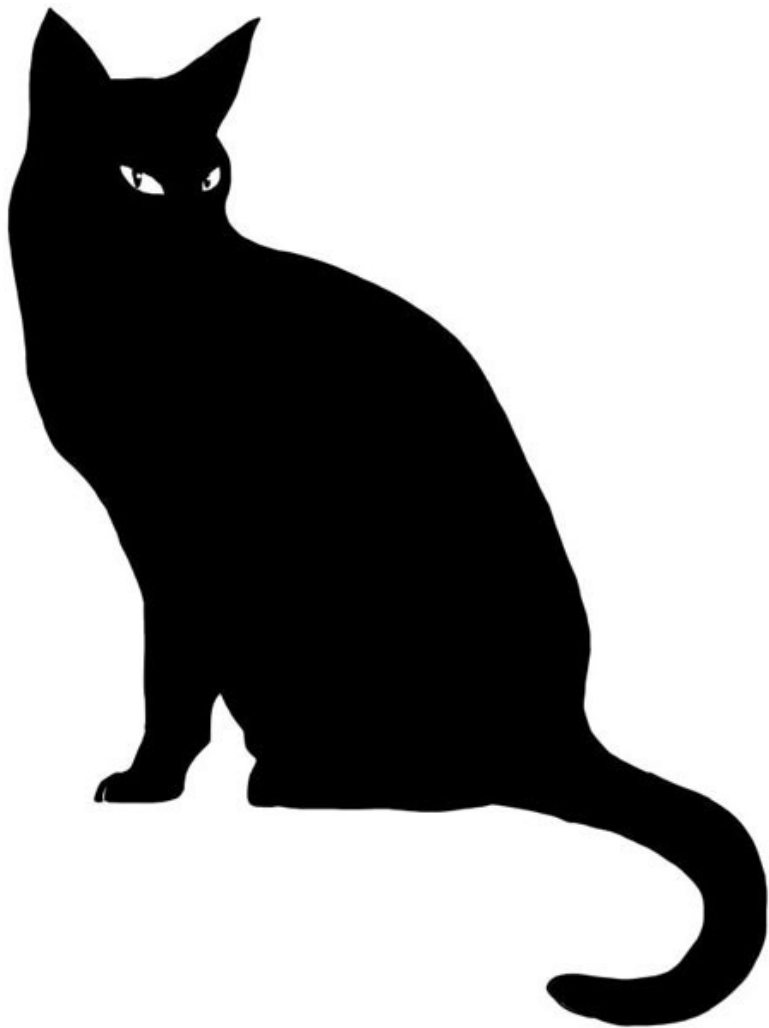
– Что з-за напасть с этими ч-чёрными кошками, – рассердилась Юсинь. – Т-ты, надеюсь, не та же с-самая, после которой я в обморок г-грохнулась?

Кошка мяукнула.

– З-знаешь, незнакомка, на этот р-раз я не буду р-рисковать, – Юся взялась за деревянную пуговицу пальто и попятилась к своей сумке, которую оставила неподалеку. – Лучше н-нам с тобой сейчас не п-пересекаться...

Кошка недовольно повела хвостом.

– Я м-могу и ч-через плечо плюнуть, если п-понадобится. В приметы, к-ко-нечно, не в-верю, но... – Юся замерла. Ей вдруг померещилось, что кошка растёт, расширяется, как если бы она была плоской картинкой в компьютере, и кто-то решил увеличить изображение, чтобы рассмотреть его лучше.

– Ты... – Юсинь в растерянности отпустила пуговицу. – Кто т-ты?

Кошка и впрямь росла, но вместе с тем меняла цвет и форму. Когда перевоплощение закончилось, перед Юсей стояла маленькая сгорбленная старушка. Она была вся белая-белая, словно вылепленная из снега. Седые волосы, заплетённые в две жидкие косички, ободок с белыми мелкими розами, выцветшие голубые глаза, бледная кожа и одежда, похожая на ночную рубашку. Никаких сомнений— это была Урсула. Та самая ведьма из Юсиных снов, в точности такая, какой она её рисовала. Настоящая Урсула! Она существует! Значит, всё, что Юсе снилось, – правда! Может, Юсинь однажды уже была в Стране Туманов и вернулась оттуда? Но почему она не помнит этого?

– Кто в-вы? – спросила Юсинь, пытаясь заставить себя не дрожать.

– Ты забыла меня? – Урсула была печальна. – Знаешь, порой воспоминания со временем размываются, выцветают, как краски холста, позабытого на солнце.

– Хотите с-сказать, что мои с-сны не сны— а в-воспоминания? – Юсинь всё ещё боролась с дрожью.

– Да. Твои сны— это воспоминания, – Урсула не двигалась с места. – Однажды я обманом заманила тебя в Страну Туманов. Мне хотелось заполучить послушную, способную ученицу, которой я смогу доверить все тайны и передать зна-

ния, а ещё принять от неё тепло, в котором так нуждаюсь.

Юсинь так сильно трясло, что ей почудилось, что воздух дрожит тоже. Его лихорадило, он пошёл рябью, размывая фигуру ведьмы, как если бы она и правда была обыкновенным рисунком на листе бумаги.

– Я рассчитывала, что ты научишься любить меня, – продолжала Урсула, – и твоя любовь будет согревать меня. Здесь, по ту сторону живых, время течёт иначе, здесь другой воздух, другой туман— кости ноют от вечного холода. Боль ненадолго снимает золото.

Ведьма подняла руку, демонстрируя множество жёлтых браслетов и колец с драгоценными камнями.

– Да, я корыстна и расчётлива. Меня не слишком заботили переживания твоих родителей.

Юсинь была потрясена, она не могла произнести ни слова.

– Ты жила в моём доме и выполняла задания. Ты помогала моему помощнику на кухне, и тебе не разрешалось покидать дом. Я запечатала его заклинаниями, однако твоё упрямство взяло верх над ними— ты сумела выбраться из дома. И как только ты выбралась, то столкнулась с чёрным духом.

– С к-кем? – переспросила Юся.

– Ты столкнулась с Ыркой, – сказала Урсула. – Он питается чужими душами. Они нужны ему, чтобы согреться.

Юсинь содрогнулась. Перед глазами вдруг сотворился образ страшного существа, чья кожа была черна как уголь. Вот Юся действительно закрывает за собой дверь чужого дома

и сталкивается с Милькой. Вот радостно бросается к нему, но неожиданно понимает, что это не он... Вот Милька, вмиг обернувшийся Ыркой, набрасывается на неё с шипением: «Я заберу твоё тепло!» Юсинь пронзает острая, невыносимая боль.

– Чёрный дух чуть было не вынул из тебя душу, – Урсула сделалась бледнее. – Ему помешали крылатки. А я неожиданно узнала в жадном Ырке саму себя. Я осознала, что ты никогда не полюбишь меня, и отпустила... Но, поскольку ты привязалась к моему коту-помощнику Рыське и даже к опасным крылаткам, я предложила тебе сделать выбор. Ты выбрала «вернуться домой, но не забывать Страну Туманов».

– Поэтому я в-вижу призраков? – прошептала Юсинь, обхватив себя руками. Её трясло всё сильнее, а воздух уже не просто дрожал — казалось, он плавился. Юся даже ощутила запах гари — словно кто-то под самым её носом разжигал костёр.

– Не поэтому, – Урсула покачала головой, – но ты и правда видишь заблудившиеся души.

– З-зачем вы снова з-здесь? – спросила Юсинь.

– Мне нужна твоя помощь, потому что я умираю! Ты должна вылечить меня! Только ты сможешь — я знаю!

Юсинь была настолько поражена услышанным, что вопросы тонкими рыбными косточками застряли в горле.

– Только ты сможешь, я верю...

– Умирате? – наконец, выдавила из себя Юсинь. – Ч-чем

же я м-могу п-помочь, я не с-смогу, я ведь н-не знаю к-как?!

– Если ты не сумеешь помочь, погибну не только я, погибнет...

Но не успела Урсула договорить, как крутой порыв ветра завертел вокруг неё воронку из листьев, и через секунду ведьма в них растворилась.

Юсинь царапнула откуда-то взявшаяся догадка— Урсула не нарочно не договорила фразу и исчезла не по собственной воле. Юся всё ещё дрожала, тогда как воздух вновь стал гладким и спокойным. И пах он вовсе не гарью, а чем-то сладким. Юсинь подумалось— так пахнет свежее выпеченная шарлотка и конфеты. И Юся вдруг вспомнила! Так чётко, будто это случилось с ней вчера. Она вспомнила, как повстречала по дорожке в «избу-читальню» чудную бабушку с тарелкой сладостей. «Возьми, угостись, – настаивала бабушка. – А если не хочешь, возьми для мамы!» Но, когда Юся коснулась одной изумрудной мармеладки, тут же потеряла сознание. То была не простая бабушка, то была Урсула...

Какое-то мгновение страх и дрожь удерживали Юсинь на месте, но, лишь они ослабили свою хватку, Юся схватила с земли сумку и побежала к дому. Единственное, чего она сейчас хотела, – это закрыться на все замки, спрятаться, исчезнуть, раствориться, как чёрная кошка, оказавшаяся Урсулой. Почему Юся должна помогать ведьме? Почему именно она? А если она не хочет, не знает, не умеет?

Много вопросов – и ни одного ответа.

Выбора нет

Рыська метался по комнате, не зная, что ему предпринять. Крылатки одна за другой падали с потолка и с оглушительным стуком, касаясь пола, возвращали себе прежний вид. Уже все до единой птицы валялись на нём острыми, холодными, закоптившимися ножами для разделки мяса.

Урсулу бил сильный озноб. Её подкидывало, руки и ноги сводило судорогами. Ведьма выглядела деревянной куклой, которую кто-то, развлекаясь, дергал за невидимые нити.

Не придумав ничего более подходящего, чем спрятаться, Рыська в конце концов свернулся клубком под креслом и дрожал до тех пор, пока всё не закончилось.

За свою долгую и преданную службу хозяйке Страны Ту-манов мальчик-кот всегда знал, что ему следует делать, и был уверен в силе того, кому служит. Сейчас же он злился на Урсулу... За то, что оставила его в неведении, за то, что он чувствовал себя не Рыской— смелым и хитрым охотником, а обычным котёнком. Впрочем, похоже, он скоро действительно им станет, приняв свой натуральный вид, вслед за несчастными крылатками.

Рыська боязливо вытянул вперёд усатую морду. Урса лежала смирно, но голова её, руки и ноги замерли самым неестественным образом. Мальчик-кот выскочил из-под кресла и, запрыгнув на кровать хозяйки, прижал ухо к Урсулиной груди. Он боялся не распознать биение сердца. Однако оно упрямо продолжало трудиться.

Рыська с облегчением выдохнул.

– У меня не остается выбола, хозяйка... Я пойду к нему и поплочу о помощи. Я велну ему его дал в обмен на исцеление. И пусть вы не будете больше Хозяйкой Стланы Туманов— главное, вы останетесь живы.

Какая любовь-то?

Милька целый день высматривал Юсинь в школьных коридорах. Он знал все тайные места, где ей нравилось уединяться во время долгих перемен, чтобы сделать в одном из своих блокнотов новые зарисовки. Милька вообще полагал, что знает о Юсинь почти всё, ну или, во всяком случае, хотя бы то, что она его любит. Ведь она первая призналась ему в своих чувствах.

Милька снова и снова повторял про себя слова, брошенные ему Юсинь утром. От них жгло внутри— как если бы кто-то наклеил горчичник у самого сердца.

«Я больше не чувствую к тебе того же... прости меня...»— это не может быть правдой, разве так бывает? А еще эти короткие, торчащие во все стороны волосы... Что Юся с ними сделала и зачем?

Гардеробщица Аврора Ивановна, нахмутив сросшиеся на переносице брови, сунула Мильке его куртку:

– Скажи матери, чтобы петельку пришила. Завтра не будет— не возьму куртку, понял?

– Понял, – Милька уставился на гардеробщицу – Аврора Ивановна, вы сегодня Юсинь видели?

– Это которая рыжая с загогулиной на макушке?

Милька кивнул и добавил:

– Только она, кажется, волосы обрезала...

– Мне это не суть важно. – Гардеробщица ухмыльнулась. – Но её не было. Свою работу получше некоторых делаю— вас вона сколько в школе, а я все равно каждую вещь знаю. Короче— морковное пальто сегодня на вешалку точно не вешала!

Милька вздохнул и снова уставился на женщину.

– Аврора Ивановна, и ещё скажите... Если девушка вчера тебя любит, а сегодня говорит, что разлюбила, от чего такое может произойти?

– Рано тебе еще о девушках-то маяться! – Гардеробщица широко улыбнулась, демонстрируя золотые зубы. – Какая у вас любовь-то в этом возрасте? Так... показуха одна.

– Спасибо, помогли! – Милька натянул трикотажную шапку и вышел на улицу. Из рта шёл пар. Осень постепенно сдавалась под натиском неумолимо надвигающейся зимы.

Милька решил, что дождётся появления Юсинь у неё дома. Он во что бы то ни стало должен выяснить, что с ней произошло...

* * *

Юсинь два раза хлопнула в ладоши (такой когда-то у них с Милькой был пароль), толкнула скрипучую деревянную дверь и вошла в комнату. Всё выглядело удивительно родным и знакомым. Пузатый старый телевизор, чемоданообразный пуфик в углу, рядом с ненадёжной башней из кни-

жек, наборов открыток и потрёпанных журналов. Банка с когда-то бултыхающейся в ней ленивой лягушкой. И только основательно обосновавшаяся на предметах дома махровая пыль напомнила Юсе, как давно сюда никто не заглядывал. Юсинь бросила сумку в неказистое ободранное кресло и подошла к заколоченному досками окну.

– Чем я м-могу п-помочь ей? – спросила Юся сама себя вслух и с сомнением добавила. – Я ведь не в-ведьма... Я н-не могу б-быть ведьмой... Будь я ею, н-наверное, бы могла не только в-видеть души, но и д-двигать предметы в-взглядом или...

Юсинь усмехнулась, развернулась к креслу лицом и вытянула перед собой руку. В детстве они с девчонками часто проделывали такие трюки. Одна из них водила рукой над монеткой, лежащей на столе, изображая, что двигает её, не касаясь. Другая незаметно располагала под столом магнит. Вот и вся магия.

Если бы в Юсинь была хоть капля этих самых волшебных способностей, уж, наверное, она бы справилась без магнита, уж, наверное, она бы...

Но тут сумка, лежащая в кресле, отчего-то дёрнулась, а Юсина рука, указывающая на неё, задрожала. Юся с изумлением посмотрела на свои пальцы. «Ко мне!»— зачем-то приказала она сумке и тут же в ужасе отскочила назад— сумку, как на пружине, выбросило из кресла и швырнуло Юсинь под ноги...

Ведая знаниями...

Покатая дорожка к детскому садику обледенела. Рыжеволосая женщина, не сразу заметив тонкую корку льда, привычно игнорируя леденку, начала живо спускаться с пригорка. Маленький мальчик, вцепившись в её руку, другой прижимал к себе пластмассовую коробочку с конструктором, которую он получил сегодня утром в качестве подарка на день рождения.

Мальчик запыхался, вязаная шапочка сползла набок, над верхней губой появилась испарина— мама куда-то торопилась, и он с трудом поспевал за её быстрым шагом.

– Смотри под ноги, а то можешь... – Не успела женщина договорить, как мальчишка, поскользнувшись, шлёпнулся на лёд. И покатился по нему, словно на санках с горки, – коробочка раскрылась, и на дорогу высыпались мелкие детали конструктора. – Да что же ты за ребёнок такой? – закричала женщина, поднимая и отряхивая сына – Ведь говорила же тебе, смотри под ноги и не бери в садик конструктор!!! Ты понимаешь, что я уже опаздываю, а теперь должна ползать и собирать всё это?!

Сглатывая слёзы, мальчик потер влажной рукавицей ушибленное место и молча принялся складывать в коробку конструктор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.